

Глава 1

-А что вы скажете об этом «и», фройляйн Анбари?

Азиаде подняла голову. Ее серые глаза были задумчивы и серьезны.

— Это «и»... — повторила она тихим, мягким-голосом, потом, немного помолчав, решительно и отчаянно выпалила: — Оно является якутским герундием, сходным с киргизской формой «бариси».

Профессор Банг, чьи очки в круглой стальной оправе и длинный с горбинкой нос делали их обладателя похожим на мудрую сову, после тихого, неодобрительного пыхтения осторожно потер переносицу и, стукнув костлявым пальцем по столу, сказал: — Я считаю, что это «и» в якутском «бари» не что иное, как посессивный суффикс. «Бари» означает «целостность», и окончание «и» вместо привычного якутского «а» должно быть следствием палатализации. Но где же тогда корень этого существительного?

— «Бар» — «существующий», — сказала Азиаде.

— Да, — задумчиво и уныло сказал Банг, — «существующий», и он может склоняться, как и любое другое существительное. В кумыкском корень тот же — «бари». В балкарском и карачаевском он трансформируется в «барасин». Но я все же не могу до конца объяснить это отсутствие «а» в якутской форме.

От старинных, пожелтевших листов исходил ни с чем не сравнимый аромат древних рукописей, наполнявший маленький кабинет. Квадратный стол

стоял у высокого окна. Банг задумчиво перелистывал энциклопедию. Кроме него, за столом сидели татарин Рахметуллах, венгр — доктор Сурмай и синолог Гётц. Азиадаэ, смущенная собственной настойчивостью, разглядывала свои аккуратные ногти, а Гётц предположил, что эта загадочная форма может быть застывшей формой монгольского творительного падежа.

— В молодости я тоже пытался все объяснить застывшим монгольским творительным падежом. Смелость — привилегия молодости.

Бангу было шестьдесят лет, синологу — сорок пять.

Азиадаэ вдруг почувствовала сильную боль в горле. Сладковатый аромат, исходивший от пожелтевших страниц ветхой энциклопедии, изогнутые линии маньчжурских и монгольских письменностей, варварские формы уже забытых языков — все это казалось каким-то нереальным, чуждым, почти парализующим. Она облегченно вздохнула, когда наконец прозвенел звонок. Банг принялся раскуривать трубку, желая показать, что семинар по сравнительному анализу тюркских языков окончен, потом, погладив костлявыми пальцами пожелтевшие страницы уйгурской грамматики, сухо произнес: — В следующий раз мы будем обсуждать структуру негативных глаголов на основе манихейских гимнов.

Голос его звучал многообещающе и одновременно грозно. Филология как наука потеряла для него всякий смысл после смерти великого Томсена из

Копенгагена. Молодежь ничего не понимала и сваливала все на затвердевшую форму творительного падежа.

Четверо вольнослушателей молча откланялись.

Азиаде вышла на широкую лестницу факультета восточных языков. Коридор заполнили бородатые египтологи, восторженные юнцы, готовящиеся посвятить жизнь изучению ассирийской клинописи. Из-за закрытой двери арабской аудитории еще доносились всхлипывающие гортанные обрывки газелей Лебида. Было слышно, как в заключение преподаватель произнес: «Мы рассмотрели классический пример *modus аросоратус*»¹.

Азиада спустилась по лестнице. Крепко сжимая в руках кожаный портфель, она локтем толкнула тяжелую дверь и вышла на улицу. На узкой Доротеенштрассе густо лежала осенняя листва. Быстрой, семенящей походкой она пересекла улицу и оказалась в университетском дворе. Тонкие деревья, казалось, сгибались под бременем знаний. Азиада подняла голову и посмотрела на мрачное небо осеннего Берлина, темные окна аудиторий и позолоченную надпись над входом в университет... Студенты в тонких серых плащах, с огромными папками под мышкой спешили мимо нее — люди из другого, чуждого и непонятного ей мира: медики, юристы, экономисты.

Азиада вступила в темный вестибюль главного корпуса университета. Большие часы показывали восемь минут одиннадцатого. Вестибюль был

заполнен спящими в разные стороны людьми.

Погруженная в свои мысли, она остановилась перед черной факультетской доской и пробежала взглядом объявления: «Лекции проф. Хастингса по ранней истории готики в этом семестре отменяются»; «Найден учебник по химии. Обращаться к швейцару»; «Проф. Закс готов бесплатно принимать всех коллег по университету. Ежедневно с 3 до 5. Клиника внутренних болезней».

Эти объявления висели здесь еще с начала семестра. Их края уже пожелтели, как у древних свитков Каира или Лахора. Азиаде достала из портфеля маленькую записную книжку и мелким, струящимся вниз почерком записала: «Ларингологическая клиника. Луизенштрассе, 2, с 9 до 13».

Спрятав книжку обратно в портфель, она вышла на передний двор, который вел на Линденштрассе. Перед ней возникли величественная статуя Фридриха Великого, классические линии Дворца кронпринцев. Вдали, в мрачном полусвете осеннего утра, высились кариатиды Бранденбургских ворот.

Азиада повернула направо, прошла по Луи-Фердинандштрассе и оказалась во дворе городской библиотеки. Взбежав по мраморной лестнице, она остановилась у входа в большой круглый читальный зал. Налево тянулись длинные лабиринты каталогов. Маленькая дверь справа вела в вытянутый «Восточный читальный зал», где собирались самые загадочные ученые Берлина, — пристанище людей не

от мира сего. Здесь стоял вечный запах книжной пыли, древних фолиантов и мудрости...

Азиаде подошла к книжным полкам, взяла «Сравнительный словарь» Радлоффа и уселась за длинный широкий стол. Раскрыв книгу, девушка склонилась над ней, морща чуть выпуклый лоб. В голове вновь зазвучали обрывки древних слов. Перед затуманенным взором на фоне черных уйгурских иероглифов предстали всадники туранских степей, ночной лагерь кочевников и серые анатолийские холмы.

А рука тем временем механически записывала: «Этимология слова „утч“ — „конец“. „Утч“ — на основе фонетических законов в абаканском диалекте переходит в „ус“. В карагайском представлены две формы — „уту“ и „уду“. В саянском также „уду“...»

Азиада остановилась. Она понятия не имела о саянском языке, не представляла, когда и где говорили на языке, формы которого она сейчас расшифровывает.

В этих словах ей слышался гул большой реки, виделись дикие узкоглазые люди, которые, вооружившись гарпунами, тащат на поросший мхом берег длинных жирных осетров. Темнокожие, широколицые мужчины были одеты в шкуры животных. На берегу они забивали осетров, выкрикивая при этом «уду» — саянскую форму древнетюркского слова «утч» — «конец».

Азиада достала из портфеля маленькое зеркальце, спрятала его между страницами энциклопедии и

украдкой посмотрела в него: тонкие алые губы, светлое, чуть вытянутое лицо и серые глаза с длинными пушистыми ресницами. Она дотронулась указательным пальцем до длинных бровей, провела по мягкой, светлой, слегка покрасневшей коже. Ничто в этом лице не напоминало тех широколицых, узкоглазых кочевников с берегов безымянной реки.

Азиаде вздохнула. Тысячи лет отделяли ее от могучих предков, которые когда-то пришли из туранских пустынь и наводнили серые равнины Анатолии. За эти тысячи лет постепенно исчезли раскосые глаза, смуглая кожа и крепкие широкие скулы. За эти тысячи лет возникали империи, новые города и изменялись гласные в корнях слов. Один из ее предков завоевал столицу империи Стамбул, а другой предок потерял город халифов — Багдад. Осталось только овальное маленькое лицо, светлые печальные глаза и болезненные воспоминания о потерянной империи, сладких водах Стамбула и доме на Босфоре с выложенными мрамором дворами, стройными колоннами и белой надписью над входом.

Азиаде по-девичьи покраснела, спрятала зеркала и осторожно осмотрелась. Вокруг были только сгорбленные спины, лысины и близорукие взгляды соседей.

Торжественная тишина читального зала временами прерывалась робким шепотом: — Не могли бы вы передать мне «Elementa persica»?

— Опечатка в амхарийской энциклопедии! Что вы на это скажете?

— Вы думаете, это дополнение несет в себе отрицание?

Тихо шуршала пожелтевшая бумага древних-изданий. Книжные полки напоминали оскал злого всемогущего чудовища. Рядом, склонившись над столом, сидела сухая, с бледной кожей и впавшими щеками женщина, напряженно переводившая «Тарик» Хак-Хамида. Она увидела зеркало, бросила на Азиадэ неодобрительный взгляд и написала на маленьком листке: «Horribile dictu! Cosmetica speculumque in colloquium!»² Она подвинула листок Азиадэ, а Азиадэ примирительно написала на обратной стороне: «Non cosmeticae sed influenza»³. Я болею. Давайте выйдем, я помогу вам переводить „Тарик“».

Она закрыла энциклопедию и вышла в большой вестибюль. Филолог с впавшими щеками последовала за ней. Они устроились на холодной мраморной скамье в вестибюле. Азиадэ раскрыла книгу. Из переливов четверостиший выступали серые скалы Испании, полководец Тарик в мерцающем свете факелов переходил ночью Гибралтарский пролив и, ступив ногой на скалу, клялся халифам покорить испанскую землю. Филолог восторженно вздохнула. Ей казалось несправедливым, что в Турции каждый ребенок знает турецкий, а она, ученая, должна прикладывать столько труда, чтобы одолеть его.

— Я болею, — сказала Азиадэ и отложила «Тарик». Она задумчиво посмотрела на черного орла, украшающего мраморный пол, затем поднялась и сказала: — Мне надо идти, коллега. — Азиадэ

попрощалась и в неожиданно хорошем расположении духа направилась к выходу.

Крепко сжимая в руках портфель, она шла по шумной Фридрихштрассе. Над Берлином висел легкий осенний дождь. У вокзала, словно солдаты на параде, выстроились продавцы газет. Азиаде подняла воротник тонкого плаща. На Адмиралштрассе в сумерках дождя ее маленькая ножка подвернулась и проезжавшая мимо машина обрызгала девушку грязью из лужи. Чулки тут же покрылись отвратительными серыми пятнами. Раздосадованная, она пошла дальше. Свинцовая Шпрее отдавала тусклой синевой. Азиаде остановилась на мосту, разглядывая металлические конструкции вокзала. Где-то над головой прогрехотал поезд.

Перед ней лежала сверкающая от осеннего дождя широкая Фридрихштрассе. Этот чужой город был прекрасен классической прямой своих мокрых пустынных улиц. Азиаде глубоко вдохнула его чужой воздух и посмотрела на серые лица прохожих. Ее романтический ум высматривал в длинных, гладко выбритых лицах прохожих отставных капитанов подводных лодок, предпринимавших отчаянные походы к берегам Африки; жесткие голубые глаза мужчин таили мрачные воспоминания о полях сражений во Фландрии, в снежных пустынях России, пылающих песках Аравии.

На невообразимо длинной Луизенштрассе дома постепенно приобретали красноватый оттенок. На углу улицы мужчина в толстых шерстяных перчатках

продавал каштаны. У него были глубокие голубые глаза, и Азиаде подумала, что в их жестком, полном уверенности взгляде есть что-то от короля Фридриха и поэта Клейста⁴. Но тут продавец каштанов смачно сплюнул. Азиада испуганно отшатнулась. Да, от этих мужчин можно ожидать чего угодно, а Клейст уже давно покинул этот мир.

Она сглотнула слюну, снова ощутив при этом сильную боль в горле, и медленно пошла дальше по мокрому асфальту. Капля дождя, упавшая за воротник, медленно скатывалась по спине. Она крепче сжала в руке портфель и увидела впереди на левой стороне улицы памятник Вирхову⁵. Все вокруг приобретало медицинские оттенки: прилавки магазинов сверкали металлом хирургических пил, зубо-врачебных инструментов, лежащих по соседству с учебниками по общей патологии. Азиада остановилась перед одним из прилавков и поежилась: из-за витринного стекла ей улыбался скелет с тонкими костями. Она оказалась зажатай между покойным Вирховом и скелетом. В зеркале витрины она увидела собственное вытянувшееся от испуга лицо с покрасневшими щеками. Слева возвышалась красная стена Шаритэ⁶, за оградой — голые ветви деревьев и больные в пижамах в бело-голубую полоску. Она пошла дальше, съезжившись, втянув голову в плечи. Ей уже не было холодно, от насквозь промокшего плаща пахло резиной.

«Поезд не останавливается на мосту Яновитц», — грустно произнесла она про себя. Это была первая

фраза, которую Азиада выучила на немецком и постоянно вспоминала, когда чувствовала себя потерянной и одинокой в величественном каменном Берлине.

Она вошла по ступенькам и толкнула тяжелую дверь клиники. Грузная медсестра спросила ее имя и протянула карту. Перед зеркалом Азиада сняла маленькую черную шляпку, и светлые мягкие волосы, чуть намокшие на концах, свободной волной упали на плечи. Она причесалась, оценивающе посмотрела на свои ногти, спрятала карту в карман и вошла в большую полутемную приемную.

— *Concha bullosa*⁷, — сказал доктор Хаса и бросил инструменты в тазик. Пациент испуганно посмотрел на выписанное им направление и скрылся в рентгеновском кабинете.

— А может быть, и эмпиема⁸, — пробормотал Хаса.

Он записал свое предположение в историю болезни и отправился мыть руки.

Глядя, как светлые капли скатываются по его пальцам и исчезают в раковине, Хаса жалел себя. «Я просто несчастный человек», — думал он, и на лбу у него обозначились горизонтальные морщинки. Три аденотомии за одно утро — это уж точно чересчур. К тому же одна из них под наркозом. И эти два парацентеза — второй был вовсе не обязателен. Барабанная перепонка все равно вскрылась бы сама по себе, но пациент начинал волноваться.

Доктор Хаса вытер руки и вспомнил о

риносклероме. Это было его больным местом. «Старик» хотел продемонстрировать ее студентам, а она сопротивлялась. Риносклерома была у одной сумасбродной тетки, которая упрямо твердила, что не намерена быть подопытным кроликом. Жаль, что к каждой болезни прилагается еще и пациент. Но на самом деле Хаса больше всего разозлился на практиканта. Тому следовало бы стать психоаналитиком и переехать в Вену, где он мог бы сколько душе угодно класть полипотом с петлей на стеклянный столик. И это во время обхода «старика»! Тот ничего не сказал, но покраснел от возмущения. Но хуже всего, что именно он, Хаса, является ответственным за этого практиканта и, соответственно, за его представления о современной гигиене.

— Положить стерильную петлю на стол, и это прямо перед применением, — возмутился Хаса и пожалел про себя, что физические меры воздействия к студентам запрещены.

Он обмотал носовым платком эбонит рефлектора, рассерженно щурясь и точно зная, что причина его плохого настроения не в риносклероме и не в этом практиканте. Во всем виновата погода, из-за которой невозможно поехать на Штольпхензее⁹. Тем более что вчерашняя блондинка обязательно будет и сегодня... но хватит об этом.

Конечно, во всем виноваты погода и Штольпхензее, но ни в коем случае не известие о том, что Марион провела все лето в обществе Фрица в

Зальцкамергуте. Какое ему дело до Марион? А риносклерома будет продемонстрирована, хочет того больная или нет, — в конце концов, это университетская клиника.

Придав лицу серьезное выражение, доктор Хаса вошел в большую приемную. Выстроившиеся у стен ряды стульев для обследования казались бесконечными. Рядом с каждым из них — электрическая лампа, столик для инструментов и пара мисок. Пациенты сидели с отсутствующими, но одинаково напряженными лицами. Слева доктор Мазицкий щелкнул зеркалом для горла, а у третьего стула справа доктор Манн выкрикнул: — Сестра, ушную воронку!

На стуле доктора Хасы сидела блондинка с мечтательными серыми глазами, но более всего доктора поразил их необычный разрез. Хаса опустил на низкий табурет и внимательно посмотрел на нее. Девушка улыбнулась, и ее грустные глаза вдруг озарились сиянием. Она указала пальцем на направленный вверх рефлектор на голове у Хасы: — Похоже на нимб.

Акцент выдавал в ней иностранку.

Хаса улыбнулся. Жизнь все-таки очень забавная штука, а до Марион ему и вправду нет никакого дела. Он посмотрел в серые бездонные глаза пациентки и подумал: «Будем надеяться, что это rhinitis vasomotorika¹⁰ и требует длительного лечения». Впрочем, он сразу же отогнал эту мысль как недостойную врача и с легким ощущением вины

спросил: — Как вас зовут?

— Азиаде Анбари.

— Профессия?

— Студентка.

— Ах вот как, коллега! — воскликнул Хаса. —

Тоже медик?

— Нет, филолог, — ответила девушка.

Хаса поправил рефлектор.

— Посмотрим, что привело вас ко мне. Так, боль в горле. — Его левая рука автоматически нащупала шпатель. — Изучаете германистику?

— Нет, я тюрколог.

— Кто, простите?

— Я занимаюсь сравнительным исследованием тюркских языков.

— Боже мой! И зачем вам это?

— Просто так, — сердито ответила она и раскрыла рот.

Хаса исполнял свой врачебный долг с толком и расстановкой. Но мысли его при этом делились на профессиональные и личные. Профессионал в нем установил: результат риноскопии — anterior et posterior¹¹ — без патологий. Легкое покраснение левой барабанной перепонки, но без болезненности при надавливании. Признаков otitis media¹² нет. Ограниченная местная инфекция. При лечении учитывать анамнез. А как частное лицо он думал: «Сравнительное изучение тюркских языков! Неужели и этим можно всерьез заниматься! Даже имея такие серые глаза! „Анбари“, — сказала она. Это имя я где-

то слышал. Ей, наверное, нет и двадцати, а какие мягкие волосы».

Он отложил рефлектор, отодвинул табурет и деловито сказал: — Tonsillitis¹³. Начинающаяся angina follicularis¹⁴.

— А на немецком — заурядная ангина, — улыбнулась девушка, и доктор Хаса решил больше не употреблять латыни.

— Да, — сказал он, — естественно, постельный режим. Вот вам рецепт для полоскания. Никаких компрессов, домой на машине, диета. А почему все-таки тюркология? Зачем вам это?

— Мне это интересно, — скромно ответила девушка, и сияние ее глаз разлилось по всему лицу. — Вы не представляете, сколько существует диковинных слов, и каждое из них звучит как барабанная дробь.

— У вас температура, — сказал Хаса. — Оттого и барабанная дробь. Я где-то слышал ваше имя. Был такой губернатор в Боснии, которого звали Анбари.

— Да, — проговорила девушка. — Это был мой дед.

Она поднялась. Пальцы ее на мгновение утонули в широкой ладони доктора Хасы.

— Приходите еще, когда будете здоровы... Я имею в виду, если понадобится дополнительное лечение.

Азиаде подняла глаза вверх. У врача была смуглая кожа, черные, зачесанные назад волосы и широкие плечи. Он очень отличался от таинственных капитанов подводных лодок и дикарей-рыболовов с

берегов безымянных рек. Девушка быстро кивнула ему и пошла к выходу.

На вокзале у Фридрихштрассе Азиадэ остановилась и задумалась. Врач что-то говорил о машине. Она сжала губы и решила пошиковать. Высоко подняв голову, девушка пошла мимо вокзала в направлении Линдена. Там она села в автобус, прислонилась к мягкой кожаной спинке сиденья и довольно подумала о том, что машина является всего лишь скромной *diminutivum*¹⁵ плавно катящегося автобуса.

— До Уландштрассе, — сказала она кондуктору, протягивая монетку.

¹ Способ сокращения слова через изъятие буквы или слога (*лат.*).

² Позор! Заниматься косметикой во время занятий (*лат.*).

³ Я не занимаюсь косметикой, у меня грипп (*лат.*).

⁴ *Генрих фон Клейст* (1777–1811) — немецкий поэт и драматург, воспевший юнкерскую Пруссию в драме «Принц Фридрих Гомбургский».

⁵ *Рудольф Вирхов* (1821–1902) — немецкий общественный деятель, основатель и лидер прогрессистской партии.

⁶ Больница в Берлине.

⁷ Воспаление ушной раковины или носовых пазух, форма хронического синусита (*лат.*).

⁸ Гнойник (от *греч.* εμρῡετα).

⁹ Озеро в окрестностях Берлина.

¹⁰ Насморк, ринит (*лат.*).

¹¹ Предшествующий и последующий (*лат.*).

¹² Отит (*лат.*).

¹³ Тонзиллит, воспаление миндалин (*лат.*).

14 Фолликулярная ангина (*лат.*).

15 Диминутив, уменьшительно-ласкательная форма в латыни.

Глава 2

Их полутемная комната располагалась на первом этаже, и оба окна выходили во внутренний двор, в центре стояли покрытый клеенкой стол и три стула, а с потолка свисала голая лампочка на длинном шнуре. У стен с ободранными обоями стояли кровать и диван, плотно придвинутые друг к другу. Единственную свободную стену занимал шкаф, дверца которого прикрывалась сложенной газетой. Рядом висело несколько пожелтевших фото. Ахмед-паша Анбари сидел за столом, уставившись на выцветший узор обоев.

— Я заболела, — сказала Азиаде и села на стул.

Ахмед-паша поднял голову. Его маленькие, черные глаза испуганно взглянули на дочь. Азиада зевнула и зябко поежилась. Пока Ахмед-паша поспешно стелил ей постель, Азиада быстро разделась, а потом, сидя на краю кровати, сбивчиво, дрожа в ознобе, стала рассказывать о якутском окончании «а» и постороннем мужчине, который заглядывал ей в горло.

Глаза Ахмед-паши переполнились ужасом.

— Ты ходила к врачу одна?

— Да, отец.

— И тебе пришлось раздеваться?

— Нет, отец, честное слово, нет, — равнодушным голосом ответила она.

Азиада легла и закрыла глаза. Руки и ноги ее, казалось, были налиты свинцом. Она слышала шаркающие шаги Ахмед-паши, звон серебряных

монет.

— Чай с лимоном, — прошептал он кому-то за дверью.

Ресницы Азиадэ дрожали. Из-под полуприкрытых век она смотрела на пожелтевшие фото, на которых ее отец был изображен в шитом золотом парадном мундире, феске и лайковых перчатках, с саблей на боку. Азиадэ глубоко вздохнула и внезапно почувствовала запах пыли с моста Галата и аромат фиников, которые когда-то сушились в угловой нише ее комнаты.

Послышалось тихое бормотание. Ахмед-паша стоял на коленях на пыльном ковре и, касаясь лбом пола, шепотом молился, и под этот шепот давно знакомых слов Азиадэ виделись большой, круглый шар солнца и древняя крепостная стена Константина у ворот Стамбула. Янычар Хасан взбирался по стене и водружал флаг османского дома на старой крепости. Азиадэ прикусила губу. У римских ворот сражался Михаил Палеолог, а Фатих Мухаммед несся по трупам в Айя-Софию и обнимал обагренными кровью руками ее византийские колонны.

Азиадэ поднесла руку ко рту. Дыхание было горячим и влажным.

— Бокса! — вдруг громко воскликнула она.

— Что с тобой, Азиадэ? — Ахмед-паша стоял, склонившись над ее кроватью.

— Карагазский дательный падеж для джагатайского «богус» — «горло», — ответила девушка.

Ахмед-паша озабоченно посмотрел на нее, набросил поверх одеяла еще и шубку, а потом продолжил намаз.

А Азиаде виделись в горячечном полусне узкие плечи султана Вахтетдина, который проезжал мимо строя солдат к пятничной молитве. Маленькие лодки кружили по Татлы-Су, а газеты писали о завоеваниях на Кавказе, победах немцев и предрекали великое будущее Османской империи.

Кто-то дотронулся до ее волос. Она открыла глаза и увидела отца со стаканом в руках. Она прополоскала горло какой-то противной на вкус жидкостью и серьезно сказала: — Полоскание оноματοпоэтично, все это нужно воспринимать с точки зрения истории звука, — и снова упала на подушки, закрыв глаза, щеки ее пылали нездоровым румянцем. Ей грезились степи, пустыни, дикие всадники и полумесяц над дворцом на Босфоре.

Потом, отвернувшись к стене, она горько заплакала. Ее маленькие плечи вздрагивали, она вытирала рукой слезы, стекавшие по лицу. Все рухнуло в тот день, когда чужой генерал занял Стамбул и изгнал из страны священный род Османов. Ахмед-паша тогда величественным жестом отшвырнул свою саблю в угол и долго плакал в маленьком восточном павильоне своего конака.

Все в доме знали, что он плачет, слуги с сочувственным молчанием стояли на пороге. Никто не решался потревожить хозяина. Затем отец позвал Азиаде, и она вошла к нему. Паша сидел на полу,

одежды его были разорваны.

— Наш султан изгнан, — сказал он, не глядя в ее сторону. — Ты знаешь, что он был моим другом и повелителем. Отныне этот город стал чужим для меня. Мы уезжаем отсюда очень далеко.

Он подвел ее к окну, и они долго смотрели на медленные волны Босфора, на купола больших мечетей и далекие серые холмы, за которыми когда-то первые отряды Османов поднялись против Европы.

— Мы уедем в Берлин, — сказал Ахмед-паша. — Ведь немцы наши союзники.

Азиаде уже не плакала. В комнате было темно. С дивана доносилось тихое дыхание Ахмед-паши. Девушка сидела на кровати и широко раскрытыми глазами глядела куда-то вдаль. Она тосковала по Стамбулу, по старому дому, по мягкому воздуху родины. В почти осязаемой близости виделись ей минареты города калифов, и безмолвное отчаяние охватило ее. Ничего не осталось, все погибло. Все, кроме мягкого звучания родного языка и любви к древнему роду, некогда прославившему османский дом.

«Дедушка был губернатором Боснии», — подумала она и вдруг вспомнила, как врач коснулся своим коленом ее бедра. Она закрыла глаза и снова увидела его черные, слегка раскосые глаза. «Скажите „а...“», — говорил врач, а вокруг его головы сиял нимб.

— «А» — это якутская форма, а я — турчанка, и мы говорим в родительном падеже «и», — с

гордостью ответила ему Азиадэ и заснула, нежно поглаживая под одеялом свое крепкое бедро. Тревожно прислушиваясь к дыханию дочери, Ахмед-паша лежал в постели с закрытыми глазами и думал о своих сыновьях, уехавших из дома защищать империю и не вернувшихся назад, о дочери, которая должна была выйти замуж за принца, а теперь задыхается в океане варварских иероглифов, о своем кошельке, в котором было сто марок — все состояние дома Анбари, — и одновременно он думал о султানে, который жил на чужбине и так же, как и он, тосковал по воздуху родины.

Когда за окном окончательно рассвело, Ахмед-паша встал и заварил чай.

Проснувшаяся Азиадэ выпрямилась на кровати и гордо заявила: — Я уже совершенно здорова, ваше превосходительство!

Воздух в кафе «Ватан» на Кнезбебекштрассе состоял из табачного дыма и запаха бараньего жира. Владельцем кафе был очкастый индийский профессор, который пользовался репутацией необычайно мудрого человека, из-за чего, собственно, и вынужден был покинуть родину. Старшего официанта звали Смарагд, он был обладателем длинного носа и чина бухарского министра. За маленькими столиками сидели египетские студенты, сирийские политики и принцы из королевского рода Каджаров. Они ели бараний жир и пили из крошечных чашечек ароматный кофе, который варил разбойник с гор Курдистана, широкоплечий, с густыми сросшимися бровями. Он

знал восемнадцать способов приготовления кофе, но раскрывал секреты своего искусства только принцам, губернаторам и вождям племен.

Ахмед-паша Анбари сидел за угловым столиком и смотрел в темный круг дымящегося кофе. За соседним столом черкес Орхан-бей и проповедник с приплюснутым носом, принадлежавший к таинственной секте Ахмедия, играли в кости.

— Знаете ли, ваше превосходительство, — сказал хозяин кафе, склонившись над пашой, — знаете ли вы, что приехал Рензи-паша из Йемена. Он ищет генералов и чиновников для службы их имаму.

— Я не поеду в Йемен, — ответил Ахмед-паша.

— И правильно сделаете, — равнодушно согласился хозяин. — Йеменцы — еретики.

Он исчез за стойкой и застучал чашками. Черкес выиграл очередной кон, закурил и посмотрел на толстого сирийца за соседним столом.

— Позор, — сказал ему сириец, — правоверный не играет в кости.

Черкес демонстративно затынулся и отвернулся.

В кафе вошел человек с голым черепом и сухими костлявыми руками. Он остановился у стола Анбари и в знак почтительного приветствия поочередно коснулся рукой груди, губ и лба.

— Мир вам, ваше превосходительство. Давно не виделись.

Паша кивнул:

— Вы приехали из Стамбула, Реуф-бей?

— Да, ваше превосходительство. Я был ранен при

Сафарии и теперь служу в управлении таможи. В последний раз мы с вами виделись, когда я был депутатом, а вы — шефом тайного кабинета. Тогда вы хотели меня задержать.

— Мне очень жаль, что вам удалось бежать, Реуф. Как поживает родина?

— Она процветает, над Золотым Рогом светит солнце. Урожай удался, а в Анкаре зимой шел сильный снег. Вам надо возвращаться, ваше превосходительство. Подайте правительству прошение о помиловании.

— Спасибо. Я собираюсь заняться торговлей коврами. Мне не нужна ничья милость.

Незнакомец ушел, а глаза Анбари опять погрустнели. Снова вернулись мысли о неуплаченной квартирной плате, хозяине квартиры, который принимает его за левантийского мошенника, о двоюродном брате Кязиме, который бежал в Афганистан и обещал прислать денег, о другом племяннике, Мустафе, который перешел на сторону врага и не отвечал на письма, и о своей дочери Азиаде, которая болеет, потому что разгуливает по осеннему Берлину в тонком плаще.

Ахмед-паша закурил, а Смарагд, получив деньги с очередного клиента, присел за его стол.

— Все очень плохо, ваше превосходительство, холодно и бедно, — сказал он на своем, едва понятном диалекте. — В Бухаре опять война, я снова министр. — Он засмеялся, но глаза его оставались при этом грустными.

В углу сидел перс и, приложив руку к левому уху, тихо и протяжно пел старый баяты¹⁶.

Индус за стойкой горячо спорил с проповедником из Ахмедии об истинной сущности Аллаха. Ахмед-паша, склонив голову, подумал, что он действительно мог бы служить консультантом в магазине ковров и давать советы несведущим европейским коллекционерам. Он вздохнул, привычно ощутив легкую боль слева. Он любил эту боль как последнее напоминание о ране, полученной десятилетиями лет назад в арабских сражениях.

Черкес за соседним столом что-то мурлыкал себе под нос и отсутствующе улыбался.

— Я собираюсь стать пианистом в ресторане «Ориент», ваше превосходительство, — сказал он полувопросительно.

Достойные занятия его предков — разбой и войны — были теперь ему недоступны. Когда-то воинственные отряды черкесов пришли ко двору Османов, и он тоже был рожден править и отдавать приказы. Но теперь прошлое было занесено стеной песчаного вихря, а реальностью стали мостовые Берлина. Черкес был способен только на две вещи: приказывать и музицировать, но приказывать, судя по всему, вышло из моды.

За столом изгнанных кадджарских принцев раздался тихий шепот.

— Горек хлеб изгнания, — сказал один из них.

— Ничего подобного, — ответил другой. — Страна изгнания вообще не печет хлеб для

изгнанников.

Ахмед-паша вышел из кафе и медленно, опустив голову, двинулся по улицам чужого города. Дома были похожи на неведомые неприступные крепости. Люди скользили мимо, как серые призраки. Ахмед-паша шел по шумным улицам города, ничего не слыша вокруг.

«Куплю картофель и помидоры, — думал он. — Перемешаю их, и получится вкусное пюре». Он остановился на Виттенбергплац. Фасад огромного торгового дома был залит косыми лучами солнца. Паша смотрел на незнакомых женщин в переливающихся шелковых чулках. У Азиаде таких чулок не было, зато у проходивших мимо женщин были отсутствующие, пустые глаза. Увидев толстого загорелого человека с бычьей шеей, идущего по Тауэнтциенштрассе, он, отведя взгляд, ускорил шаг и свернул на боковую улицу. Грустно, что министр бывшей империи вынужден сворачивать на боковую улицу из-за того, что должен какому-то разбогатевшему земляку пятьдесят марок. Внезапно им овладело безумное желание драться, бороться. Ему захотелось оказаться сейчас в темном переулке, где бы его толкнули и он мог тогда дать обидчику пощечину. Но улицы были светлы, а люди вежливо и равнодушно уступали дорогу.

Ахмед-паше не оставалось ничего другого, как купить картофель, помидоры, редьку и идти домой. Подойдя к четырехэтажному дому с солидным светло-зеленым фасадом и дверью, отделанной мрамором, с

надписью «Вход только для хозяев», министр прошел мимо парадного входа и свернул в маленькую арку. Пройдя квадратный двор с чахлыми деревьями, он остановился у своей двери со сломанной ручкой. Узкий коридор вел в жилую комнату.

Азиаде сидела на диване и, зажав нитку в зубах, штопала свой чулок. На стуле перед ней лежала раскрытая книга, и она бормотала непонятные варварские предложения.

Ахмед-паша высыпал помидоры и картофель на стол. Азиада взглянула на красные шарики, перемешанные с пахнущими землей комочками, и захлопала в ладоши от ощущения необъяснимого счастья.

¹⁶ Четверостишие, жанр древней азербайджанской поэзии.

Глава 3

Студенческая столовая напоминала зал ожидания провинциального вокзала. За длинными непокрытыми столами тесными рядами студенты торопливо и почти не разбирая, что именно перед ними, поглощали блюда, которые с акробатической виртуозностью раздавал исполинского вида мужчина. Над буфетом, с левой стороны, висела черная доска с нацарапанным на ней мелом меню, поражавшим воображение пышностью названий и низкими ценами.

Азиаде́ долго стояла перед ним, никак не решаясь сделать выбор между кенигсбергскими фрикадельками и персиковой мельбой. Наконец голод победил чревоугодие, и она, протянув в окошко двадцать пять пфеннигов, получила тарелку с одной огромной, кисловато пахнущей фрикаделькой и, с удовольствием вдыхая ее терпкий аромат, осторожно понесла тарелку к столу.

— Вам уже лучше, фройляйн Анбари?

Вздвигнув от неожиданности, девушка подняла голову. Доктор Хаса с кружкой пива в руке стоял перед ней и смотрел в ее тарелку.

— С каких это пор врачи обедают в студенческой столовой? — спросила в ответ Азиаде́, радуясь выпавшей возможности поговорить с человеком, который не был ни турком, ни тюркологом.

— Врачи, не имеющие частной практики, считаются вечными студентами, — ответил Хаса, сядя напротив нее. — Вы турчанка, не так ли? Я и не

знал, что существуют сероглазые турчанки.

Азиаде удивленно посмотрела не него. Неужели есть люди, которые не знают, что светлые глаза стамбульских принцесс славились от Тибета до Балкан?

— Бывает и такое, — смущенно сказала она и ткнула вилкой в дымящееся мясо. — Но ведь и вы не немец, верно?

— Как вы догадались?

Азиаде довольно улыбнулась:

— Я, вообще-то, тюрколог и разбираюсь в диалектах. Кроме того, Хаса — не немецкое имя.

Доктор отпил пива и окинул Азиаде долгим взглядом своих черных раскосых глаз. Его взгляд заскользил по девичьим линиям ее тела, мягким складкам губ, он смотрел в слегка затуманенные серые глаза, и в мыслях его возникли смутные представления о таинственных, укутанных в чадру женщинах из гаремов с мраморными фонтанами и коварными евнухами, которые после некоторого хирургического вмешательства обретали при азиатских дворах значимую, но не до конца понятную роль. Он вдруг почувствовал непреодолимое желание обнять этого ребенка, случайно забредшего в Берлин из сказок «Тысячи и одной ночи», его колено осторожно коснулось под столом ее узкого бедра. Дитя Азии сердито взглянула на него и сказала:

— Если вы будете приставать ко мне, я раскрою рот, скажу «а-а» и стану вашей пациенткой. Тогда вам, по законам врачебной этики, придется держать

себя в руках.

Дитя, очевидно, было уже далеко не ребенком или же очень умным ребенком. Хаса залпом опустошил свою кружку.

— Я австриец, — с некоторой заносчивостью сообщил он. — Вы слышали про Вену?

Упоминание об имперском городе не произвело на Азиаде ожидаемого впечатления. Она отправила в рот последний кусочек мяса, с грустью посмотрела на пустую тарелку, и уголки ее губ пренебрежительно опустились.

— А вы слышали про Кара-Мустафу? Того, что при Сулеймане Великолепном осадил Вену? Так вот, он был моим предком. Если бы он одержал победу, я, может быть, назначила бы вас своим личным врачом.

По совести говоря, все это не совсем соответствовало действительности. Суровый Кара-Мустафа не происходил из рода Анбари, однако на венца это нахальное заявление Азиаде произвело должное впечатление.

— Премного благодарен, принцесса! — галантно сказал он. — Вы позволите мне называть вас принцессой?

— Нет, не называйте меня принцессой, — ответила девушка.

Ей вдруг стало очень грустно, потому что она вспомнила о принце Абдуле Кериме, которого ни когда не видела, но который должен был стать ее мужем. Абдул Керим эмигрировал в Америку, и больше никто о нем ничего не слышал. Может, он

даже стал официантом.

Доктор Хаса заметил перемену в настроении девушки. Он направился к буфету и принес ей пирожное со сливочным кремом, обильно политое шоколадной глазурью. Азиаде снисходительно посмотрела на него и съела пирожное, слизнув кончиком языка белую липкую массу, приставшую к ее губам.

— Я житель Вены, — многозначительно повторил Хаса. Его задело, что в первый раз это сообщение оставило девушку равнодушной. — Я изучал медицину в Вене и для дальнейшего совершенствования по одному семестру прослушал курсы в Париже и Лондоне. В Берлине я до конца этого семестра, потом собираюсь открыть в Вене частную практику.

Это тоже не вполне соответствовало истине, но Хаса так долго и тщательно прятал правду в самых глубоких уголках души, что теперь не было никакого смысла вдруг извлекать ее на свет божий. Действительно, ради чего дипломированный венский врач разъезжает по миру и дает гастрольные спектакли в различных клиниках? Впрочем, если бы Азиаде и спросила об этом, то услышала бы рассказ о жажде знаний и обширности научных интересов доктора Хасы. Может быть, он даже поведал бы ей, что приехал в Берлин изучить последние достижения оториноластики. Но вот о чем бы он не сказал ни слова, так это о скандале с Марион и о Фрице, с которым та провела все лето. В конце концов, это

никого не касается и давно уже в прошлом.

Хаса склонил голову и с улыбкой посмотрел на Азиаде.

— А я, — сказала Азиаде, снова не обратив особого внимания на слова Хасы, — уже четыре года живу в Берлине. Мы покинули Стамбул после переворота. Все мне казалось здесь немного странным. Мне тогда было пятнадцать лет, и я уже носила чадру. В Берлине я первое время никак не могла привыкнуть ходить по улицам одной и с открытым лицом. А теперь мне это нравится. Но все же — это позор. Дома меня учили музыке и языкам. А теперь я изучаю языки своих предков. Это как-то связывает меня с родиной. Вы понимаете?

— Да, — кивнул Хаса. — А я скоро вернусь в Вену и открою там частный кабинет на Опернринге. Буду лечить певцов.

Так они говорили какое-то время, не слушая друг друга, и каждый из них о чем-то умалчивал. Хаса умалчивал о существовании жительницы Вены по имени Марион, а Азиаде — о почтальоне, который сегодня рано утром постучал в их дверь и со словами «Вам почта» передал отцу серый запечатанный конверт, а когда Ахмед-паша вскрыл его, то обнаружил в нем тысячу афганских рупий и привет от двоюродного брата Кязима. Час спустя служащий банка, качая головой, смотрел на эти банкноты, потом созвонился с центральным бюро и отсчитал Ахмед-паше семьсот сорок марок, из которых Азиаде внесла студенческий взнос и заплатила за кенигсбергские

фрикадельки. Но все это были детали, которые доктора Хасы вовсе не касались.

— У вас есть какие-то планы на сегодня? — спросил вдруг Хаса.

— Исследование османских документов. Анатолийские секты.

— Это очень важно для вас? Приглашаю вас на Штольпхензее. Я имею в виду... может быть, сегодня последний теплый осенний день, а вам необходим свежий воздух. Это я говорю вам как врач.

Азиаде глядела на правильный лоб, узкие улыбающиеся губы Хасы и думала о секте кызылбашей и о святом Сары-Салтык-Деде, которые ждали ее. Теплая волна прилила к лицу.

— Поехали на Штольпхензее, — спокойно согласилась она, и Хаса даже подозревал, что Азиада впервые в жизни приняла приглашение постороннего мужчины.

Они вышли из столовой. Азиада уверенным шагом направилась к автобусной остановке.

— Куда вы? — остановил ее Хаса и, взяв под руку, повел на маленькую боковую улочку, распахнул дверцу машины, на номерном знаке которой рядом с цифрами стояла большая буква «А». — Австрия, — гордо сказал Хаса.

Азиада застыла с открытым от удивления ртом. Она никогда бы не поверила, что человек столь низкой профессии может разъезжать на автомобиле. Европа воистину была страной чудес.

Они лежали на склоне песчаных холмов.

Зеленый купальник, купленный по дороге Хасой, в который была теперь облачена Азиада, превращал мир вокруг нее в нечто нереальное и фантастическое. Она стеснялась этого одеяния баядерки, тело ее была едва заметная дрожь, пальцы нервно перебирали песок. В течение последних четырех лет, проведенных в Берлине, Азиада успела узнать университет, улицы, кафе. Но она до сих пор имела весьма смутное представление о тех местах, где европейские мужчины и женщины, полуголые, в туго обтягивающих их одеждах, подставляли свои лица скупым лучам северного солнца. Ее глаза расширились от возмущения, когда дежурная по пляжу провела ее в тесную, маленькую кабинку, пропахшую сыростью и деревом, дала ей купальник, протянула ключ и закрыла за ней дверь. Азиада почувствовала себя одинокой и покинутой Аллахом, как бывало обычно перед каким-то сложным экзаменом.

Присев на узкую скамейку, она с недоумением разглядывала крошечный кусок материи, которым должна была прикрыть свое тело, и затосковала по уйгурским суффисам и сектам Малой Азии. Медленно, стараясь оттянуть неизбежное, она сняла туфли и чулки. Это ее немного успокоило. Тогда, закрыв глаза, Азиада сбросила платье и втиснулась в купальник. Картина, явившаяся ей в маленьком, засиженном мухами зеркале, заставила девушку оцепенеть: ее небольшая грудь бесстыдно выпирала из выреза купальника.

Азиада опустила на скамейку и в отчаянии-

заплакала. Нет, в подобном виде она ни за что не покажется, даже если все женщины Берлина ходят только так.

Снаружи послышалось шарканье босых крепких ног. Азиадэ испуганно сжалась. В полумраке кабинки она была похожа на испуганную, загнанную в угол птицу. Наконец, собравшись с духом, девушка приоткрыла дверь, высунула в щель голову, позвала дежурную и, когда та вошла в кабину, смущенно спросила:

— Вы уверены, что я могу так выйти? В смысле — я не могу разглядеть себя в зеркале.

— Нет, — ответила дежурная низким голосом. — Так вы не можете выйти. Вы надели купальник наоборот.

Она помогла Азиадэ переодеться и ушла, качая головой.

Азиадэ вступила на пляж, как грешник к воротам ада. Руки ее были судорожно сжаты, глаза плотно закрыты, голова кружилась. Вокруг были только голые спины женщин и волосатые торсы мужчин.

— Бисмиллах! Во имя Аллаха, — прошептала она и открыла глаза, полная решимости до конца вынести все муки.

Кто-то совершенно незнакомый стоял перед ней, улыбаясь. Она увидела две ровные загорелые ноги с широко расставленными пальцами, потом медленно подняла взгляд, и ноги перешли в обтянутые плавками бедра. Девушка заставила себя посмотреть выше и увидела натренированный живот, широкую

загорелую грудь с черными вьющимися волосами и гладкие мускулистые руки. Впервые она видела постороннего мужчину почти голым и была очень взволнована.

«Я падшая женщина», — печально подумала она и заставила себя посмотреть доктору Хасе в лицо.

Тот, ни о чем не подозревая, восхищенно улыбался, потом повел ее к их месту, и Азиаде нырнула в песок, не зная, какую часть тела закопать в нем в первую очередь.

— Может, вы хотите поплавать? — спросил Хаса.

— Нет, слишком холодно — ответила Азиада, благоразумно умолчав о том, что она не только не умеет плавать, но и никогда не видела плавающих людей.

Доктор Хаса медленно направился к трамплину, и Азиада удивленно смотрела, как этот взрослый, сознательный человек без видимых на то причин с громким плеском бросается в воду. Она робко огляделась. Полуобнаженные тела ослепляли ее. Мужчины и женщины, бессмысленно растрачивая всю свою энергию, плескались в воде или, как усталые улитки, лениво и бесчувственно валялись под солнцем. По пляжу были разбросаны клочки бумаг, остатки пищи, а сидевшая неподалеку толстая дама смазывала свой нос какой-то желтой массой.

Азиада села, обхватив колени руками, и почувствовала, как давешний жгучий стыд постепенно отходит. Только слегка подташнивало от ощущения, будто она присутствует на показе диких,

экзотических зверей. Все вокруг были волосатыми, словно обезьяны: ноги, руки, грудь, даже у женщин под мышками. Азиада подумала о своем теле, с которого она тщательно удаляет каждый волосок, и о гладкой коже своего отца и братьев. Она презрительно отвела взгляд от этих полуодетых тел и посмотрела в небо. Мягкие и широкие облака, причудливо меняя очертания, напоминали то нос профессора Банга, то карту Римской империи в период ее расцвета.

Азиада вздрогнула от брызг холодной воды — доктор Хаса стоял над ней, отряхиваясь, словно намокший пудель. Он сел возле нее и все с тем же восхищением посмотрел на эту странную девушку со слегка укороченной верхней губой, которая придавала ее лицу выражение беспомощности.

— Вам здесь нравится? — спросил Хаса.

— Здесь очень мило, спасибо. Я впервые на Штольпхензее.

— А где вы обычно плаваете?

— В Рупенхорне, — с невинным выражением лица соврала Азиада.

Они оба лежали на животе, лоб ко лбу, и перебирали пальцами песок.

— Вы выросли в гареме, Азиада? — спросил Хаса, совсем растерявшийся оттого, что ему удалось привести на пляж настоящую красавицу из гарема.

Азиада кивнула и поведала ему о том, что гарем — это довольно милое место, куда мужчинам вход запрещен, и поэтому женщины могут оставаться наедине.

Доктор Хаса не совсем понимал это. У него были совершенно иные представления о гаремах.

— У вас было много евнухов?

— Восемь. Это были все очень преданные люди. Один из них был моим учителем.

Хаса закурил в замешательстве.

— Фу, — сказал он, — какая дикость. А у вашего отца было, конечно же, триста жен, не так ли?

— Всего лишь одна, — с обиженным видом гордо ответила Азиадэ.

Мужчины, которых она знала до сих пор, не отваживались говорить с ней о гареме. Но Хаса был врачом, это меняло дело.

Она наморщила лоб, и ее детская верхняя губа вытянулась вперед.

— Для вас гарем — это дикость, — сказала она сердито, — а для меня — одно ваше имя.

Эти слова произвели гораздо больший эффект, чем тот, на который рассчитывала Азиадэ.

Доктор Хаса вскочил и возмущенно посмотрел на нее.

— Почему это мое имя — дикость? — пролепетал он, явно смущаясь.

— Потому что это вообще не имя, — раздраженно сказала Азиадэ. — Есть такая земля Хесен и имя Хас. Хаса звучит дико и совсем не по-немецки. Это окончание «а» просто бессмысленно.

Хаса облегченно улыбнулся и снова лег на живот. Слава богу, у девушки не было знакомых в Вене и она ничего не знала о скандале с Марион и о позоре,

который обрушился на его голову. До чего же все-таки невинные создания эти филологи!

— Хаса — это законное сокращение, — сказал он. — Раньше мы звались Хасанович. Мы приходим из Сараева в Боснии, но еще до аннексии переехали в Вену. Я лично родился в Вене.

Теперь уже Азиаде привстала, удивленно уставившись на врача.

— Из Сараева? — переспросила она. — Хасанович? Простите, но это окончание «вич» — оно же означает сын, значит, вашего предка звали Хасан?

— Совершенно верно, — спокойно, без тени обиды подтвердил Хаса. — Нашего прадеда, должно быть, звали Хасаном.

— Но Хасан же.... — начала было Азиада и замолчала, пораженная собственными догадками.

— В чем дело? — с недоумением спросил Хаса.

— Я имею в виду... — пролепетала Азиада, — я имею в виду, что Босния до тысяча девятьсот одиннадцатого года принадлежала Турции, а Хасан — мусульманское имя, так звали внука Пророка.

Хаса наконец-то понял, куда клонит эта странная девушка.

— Да, — согласился он. — Конечно. Вообще-то, мы — боснийцы, то есть сербы, которые после завоевания их турками приняли ислам. Я думаю, что у меня есть пара двоюродных братьев-дикарей, живущих в Сараеве. Кажется, когда-то, во времена турок, наша семья владела даже какими-то землями.

Азиада набрала пригоршню песка и медленно

пропустила его через пальцы. Ее маленькая верхняя губка подрагивала.

— Но в таком случае вы тоже должны быть мусульманином, не так ли?

Тут Хаса рассмеялся. Он лег на живот, и его тело затряслось. Потом он сел на песок, скрестив ноги, и, прищурившись, посмотрел на Азиадэ.

— Маленькая турецкая леди, — смеялся он, — если бы Кара-Мустафа¹⁷ покорил Вену или мир под Сан-Стефано был заключен на иных условиях, я бы сейчас звался Ибрагим-бей Хасанович и носил тюрбан. Но Кара-Мустафа не завоевал Вену, я стал добропорядочным австрийским гражданином, и мое имя доктор Александр Хаса. Вы были в Вене? Когда солнце садится за виноградниками, а в садах льются песни... Нет города прекраснее Вены.

Он замолчал и посмотрел на Азиадэ. Девушка подняла голову и почувствовала, как кровь приливает к ее лицу, как пламя охватывает щеки, уши, глаза, губы, лоб. Ей неудержимо захотелось вскочить и надавать пощечин всем этим людям, которые лежали голыми на песке и высмеивали ее мир, она хотела бежать отсюда прочь и никогда больше не слышать о городе, у ворот которого разбилась мощь древней империи. Но тут взгляд ее остановился на наивных, ничего не подозревающих глазах чужого ей человека, она увидела его довольную улыбку и темные манящие глаза, невинно обращенные на нее.

И бешенство мгновенно сменилось глубокой грустью. Азиадэ закрыла глаза и подумала о том, что